

Российская психология и российская психотерапия: единство и борьба противоположностей

Рогачева Т.В.

Рогачева Татьяна Владимировна

доктор психологических наук, директор; Автономная некоммерческая организация «Уральский центр комплексной реабилитации», ул. 8 Марта, 194, Екатеринбург, 620144, Россия. Тел.: 8 (343) 380-25-70.

E-mail: TVRog@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть развитие взаимоотношений российской психологии и российской психотерапии с позиции функционирования диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Анализируются основные этапы развертывания данного закона. Первый этап — единство как нерасчлененное тождество в онтологическом аспекте существования психологии и психотерапии на начальных этапах их становления. На этапе единства существование одной стороны противоречия (психологии) является условием существования другой (психотерапии). Показана связь психологии и психотерапии через единый предмет, ориентированный в первую очередь на философию, а также отмечено и формирующееся различие, так как философская психология была направлена на размышления о человеческой душе, а практическая психология, как донаучная психотерапия, — на лечение души. Дисгармония во взаимоотношениях психологии и психотерапии связана с активным развитием естественнонаучных дисциплин, при котором актуальным стал вопрос о предмете психологии. Дискуссии о предмете психологии привели к нарушению в функционировании противоречия на первой стадии и переходу ко второй стадии развития. Эта стадия предполагает, что исходное единство системы разделяется на противоположности, которые образуют противоречивое взаимодействие. Как внутри российской психологии, так и внутри российской психотерапии нарастают тенденции к увеличению разности в понимании предмета и методов. Указывается, что противоречивость между теоретической и практической психологией проявляется в академической и прикладной направленности. Подчеркивается менее противоречивый характер отечественной психотерапии, причиной которой выступила меньшая по сравнению с психологией идеологизированность. Описывается специфичность проявления взаимодействия психологии и психотерапии как отражения развертывания закона единства и борьбы противоположностей в советский период. Смысл особенностей взаимодействия противоположностей заключался в необходимости — как для психологии, так и для психотерапии — решать задачи социалистического строительства с необходимыми атрибутами: классовой борьбой и непримиримостью к инакомыслию. Представители психологии и психотерапевтических направлений, принявшие участие в обосновании тех вопросов, которые подтверждали «генеральный курс» Советской власти, были поддержаны этой властью и вступили в непримиримую борьбу с инакомыслящими, что закончилось репрессиями. В результате произошло изменение степени преобладания одной противоположности над другой в рамках целостной системы, что может характеризоваться как застой в развитии. Именно застой в плане продуцирования новых идей определил состояние советской психологии и психотерапии. В перестроечный и постперестроечный периоды развернулась активная борьба противоположностей на фоне серьезных дебатов как внутри психологии, так и внутри психотерапии, что характеризуется как начало следующего этапа функционирования закона единства и борьбы противоположностей. У каждой противоположности отмечается своя внутренняя противоречивость, что еще раз доказывает внутреннее единство рассматриваемого противоречия. На передний план для психологии выходит вопрос применения теоретических знаний на практике, тогда как для психотерапии актуально методологическое обоснование ее технологий и методов. Разрешение этого противоречивого состояния двух противоположностей возможно при гармоничном сосуществовании, когда одна из сторон противоречия укрепляет другую, и наоборот, что приводит к наращиванию темпа позитивных изменений. Так, в статье указывается, что психология может помочь психотерапевту разобраться в индивидуально-личностном портрете, а психотерапия — как медицинская деятельность — ориентирует психолога в клинических особенностях человека, нуждающегося в профессиональной помощи. В конце статьи выражается уверенность, что конфликт между психологией и психотерапией разрешится гармонией противоположностей и переходом в новое качество.

Ключевые слова: диалектический закон единства и борьбы противоположностей; российская психология; российская психотерапия.

УДК 159.9:615.851

Библиографическая ссылка по ГОСТ Р 7.0.5-2008

Рогачева Т.В. Российская психология и российская психотерапия: единство и борьба противоположностей // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 9, № 2(43). – С. 3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Поступила в редакцию: 13.02.2017 Прошла рецензирование: 13.03.2017 Опубликовано: 05.04.2017

В заголовок статьи вынесен один из основных законов диалектики — закон единства и борьбы противоположностей. Как известно, именно в данном законе отражена диалектика развития различных явлений. Противоречие, которое состоит из противоположностей, всегда ставит перед мышлением определенную проблему и является не только выражением недостаточного развития знания, но и условием его дальнейшей деятельности. Как писал К. Поппер: «Без противоречия не было бы рационального основания изменять теории — не было бы интеллектуального прогресса... Стоит только изменить эту установку и примириться с противоречиями, как они утратят всякую плодотворность» [21, с. 521–522]. Поэтому выявленное в определенной системе противоречие требует активного и сознательного поиска реализации исследовательской задачи. А законы диалектики позволяют понять тенденции и новые возможности, скрытые в системе.

Ценность любой философской категории можно измерить. Причем она измеряется не столько богатством внутреннего содержания, сколько обилием тех проблем, которые можно решать с ее помощью. Понятие «противоположность» выступает именно такой философской категорией, которую принято определять как «взаимодополняющие стороны конкретного единства, имеющие взаимоисключающие направления своего измерения. Эти стороны (моменты) противоречия существуют во взаимозависимости, взаимопроникновении и взаимоотражении» [18, с. 315]. Таким образом, в данном понятии заложены следующие формы существования противоречия: единство противоположностей, относительное неравенство (тождество), различие, борьба. Предлагаю рассмотреть историю взаимоотношений психологии и психотерапии в России именно с позиции развертывания данного диалектического закона.

Первый этап — единство психологии и психотерапии. В философских системах единство (греч. *μονάς*, лат. *unitas*) чаще определяется через понятие взаимосвязи определенных процессов, которые образуют целостную систему взаимодействия, внутренне устойчивую к изменениям и в то же время включенную в более широкую систему. Основными условиями существования процесса как единого выступают: неразрывная связь противоположностей, взаимообусловленность, взаимоукрепление и взаимопроникновение друг в друга.

Как известно, термин «психология» был впервые использован в 1506 году Марко Маруличем, ученым эпохи Возрождения. М. Марулич в трактате «О ведении хорошей жизни на примерах святых» впервые употребил это понятие [19, с. 42]. В начале XIX века в Англии возникает движение «Помоги себе сам», которое возглавил Финеас Куимби, по первой профессии — часовщик, впоследствии ставший целителем. Он считал, что болезни — это результат ложных убеждений. Поэтому здоровье можно сохранить при помощи правильного мышления.

Сам термин «психотерапия» введен английским врачом Дэниелом Хаком Тьюком (D.H. Tuke). В 1872 году в книге «Иллюстрация влияния разума на тело» данный автор описывает психотерапию «как терапевтическое действие, которое дух клиента мог иметь в отношении тела благодаря влиянию врача» [Там же. С. 96].

Однако и психология, и возможность применения знаний о человеческих состояниях (как своеобразная психотерапия) существовали задолго до категоризации этих понятий. Так, любой учебник по истории психологии начинается с античности. «Общий очерк психологии в России», написанный А.Н. Ждан как предисловие к обширному труду «Российская психология. Антология», указывает, что «начало русской психологической мысли восходит к XVIII веку, ... однако предысторию русской психологической мысли составляют взгляды на человека и его душевную жизнь, которые складывались в древней и средневековой Руси до XIV века» [6, с. 3]. А история психотерапии начинается как «часть храмовой медицины, которая была пронизана магическими практиками, включающую в себя мифологию древних культур, теологические толкования, мистерии, «тонкие чувства» и тайные знания адептов, а также веру в существование сверхъестественных сил» [27, с. 26]. Еще Платон в своих «Диалогах» писал о необходимости лечения, в первую очередь, души: «Все — и хорошее и плохое — порождается в теле и во всем человеке душою, именно из нее все проистекает... Потому-то и надо прежде всего и преимущественно лечить душу» [20, с. 246].

Если вспомнить, что многие врачи (Гиппократ, Гален, Эмпедокл, Корнелий Цельс и др.) были еще и философами, т.к. первоначально «философом» называли в принципе образованного человека, то становится понятным: единство этих процессов заключается в том, что в начале пути психология и психотерапия были взаимно обусловлены друг другом. Их «внутреннее единство» заключалось в едином предмете для изучения, ориентированном на философию разума, гносеологию, этику, а «внешнее единство» как различие заключалось в разнонаправленности этих процессов. Если донаучная, в данном контексте можно сказать — философская психология была направлена на размышления о человеческой душе, то практическая психология как донаучная психотерапия — на лечение души.

Таким образом, существование одной стороны единства является условием существования другой. Наличие общего предмета изучения и разнонаправленность научной мысли уже в античности демонстрируют как взаимообусловленность, так и ростки противоречия внутри пока единой системы. «Предметы только тогда противоположности, когда у них общий родовой признак», — писал Г.Д. Левин [11, с. 118]. Таким общим родовым признаком для психологии и психотерапии уже в античности выступает философия. М.М. Решетников указывает: «Психотерапия в Европе появилась не столько в результате развития медицины, сколько в процессе импlications философии и психологии (гуманитарного знания) в медицинскую (биологически ориентированную) науку и практику. Еще в XIX веке в качестве «специалистов по душе» выступали философы» [25, с. 17]. Например, И. Кант, исследовавший способности человека, предложил свою антропологию, в которой анализируются различные характеристики человека. По мнению И. Коппера, «Антропология» Канта представляет собой что-то вроде моста между фактической и условной жизнью человека и безусловным философским пониманием человека как «последней своей цели», дающим правильную перспективу рассмотрения фактической жизни [36, с. 12]. Кант предлагает осознать возможности и границы познавательной способности человека и готовность не переступить эти границы. Соответственно, недисциплинированность, т.е. распушенность разума, выражает себя, прежде всего, в самонадеянных попытках выйти за пределы возможного опыта. Он писал: «Если кто-нибудь намеренно натворил что-то и встает вопрос, виновен ли он в этом и как велика его вина, стало быть... надо решать вопрос, был ли он тогда в уме или нет, то суд должен направить его не на медицинский, а на философский факультет» [8, с. 221].

Известные русские мыслители — М.В. Ломоносов, Я.П. Козельский, А.Н. Радищев и другие — в своих произведениях затрагивали психологические проблемы, пытались ответить на серьезные философские вопросы о сущности человеческой души, месте человека на Земле, о смерти и т.д. Дебаты между представителями русской религиозной философии и русскими революционерами-демократами, придерживающимися материалистических взглядов, также послужили платформой для решения многих

психологических проблем. Психотерапия, находясь «внутри» медицины, решала не менее серьезные проблемы, имеющие методологические основания, корнями уходящие в философию. Умы докторов в XVII—XVIII веках занимали вопрос критериев нормы и помощи психически больным людям, «животный магнетизм» Месмера как психофизиологическая проблема. Показателен с позиции функционирования закона единства и борьбы противоположностей пример И.К.Лафатера, швейцарского философа, богослова и основателя физиогномики и психологической типологии характеров. Пытаясь «примирить науку и религию», он — выдающийся ученый — потерпел фиаско. Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника», вспоминая о встречах с этим протестантским проповедником, изобразил Лафатера как гуманиста, стремящегося помогать людям, хотя был не согласен с его физиогномическим учением. Описывая Гердера, одного из крупнейших мыслителей Просвещения, он подчеркивает: «Но я боюсь, чтобы не почли меня каким-нибудь физиогномическим колдуном» [9, с. 121], указывая на противоречивость как самой концепции Лафатера, так и отношения к ней современников.

Активное развитие естественнонаучных дисциплин, в первую очередь биологии в области физиологии нервной системы, привело к активизации дискуссий относительно предмета психологии как самостоятельной науки. Анализ трудов ученых, рассматривавших психологию как основанную на самонаблюдении область знания (Н.Я. Грот, М.И. Владиславлев, П.Д. Юркевич и др.), и материалистически ориентированных исследователей (И.М. Сеченов, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев и др.), для которых психология имела прикладное значение, позволяет проследить следующую стадию развития диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Относительное неравенство, бывшее на протяжении XVIII века несущественным, превратилось в различие, которое невозможно не заметить. Причем это различие есть разделительная полоса между материализмом и идеализмом.

Несомненно, что каждая теория в науке имеет свое национальное лицо. В дореволюционной России материализм связывался в первую очередь с радикальной политической оппозицией царизму, а альтернативные, идеалистические взгляды — с умеренными и консервативными группами интеллигенции. Отсюда — достаточно жесткая позиция представителей материалистического направления отечественной социальной философии относительно места и роли психологии. Так, Н.Г. Чернышевский в своей работе «Антропологический принцип в философии» называет психологию, историю и все нравственные (общественные) науки «жалкими родственницами», а под настоящей «наукой» предлагает понимать точные науки (математику, астрономию, физику, химию, ботанику, зоологию и географию) [30, с. 42—44]. В 60-е годы XIX века разворачивается дискуссия, начатая статьей И.М. Сеченова «Кому и как разрабатывать психологию?», в которой он утверждал, что необходимо «передать аналитическую разработку психических явлений в руки физиологии» [26, с. 241]. Именно в этой работе Сеченов формулирует основной принцип психологического исследования, ставший определяющим в отечественной психологии вплоть до настоящего времени. Это «метод аналитического разложения целого (психики) на отдельные элементы (ощущения, аффекты и т.п.)... т.е. восхождение с целью изучения от простого к сложному, или... объяснять сложное более простым, но никак не наоборот» [Там же. С. 225]. Если вспомнить, как выглядит оглавление любого учебника по психологии в СССР, а иногда и в наши дни, то становится очевидным применение данного метода.

В 1867 г. проходит судебное разбирательство между представителями русской православной церкви и издателями труда В. Вундта, в котором, в частности, утверждалось, что и у животных есть душа. В соответствии с социально-политической обстановкой того времени выиграли суд издатели.

В 80—90-е г.г. XIX века в России создаются психологические лаборатории при различных, в первую очередь, медицинских учреждениях, формируются прикладные направления (педагогическая психология, детская психология, педология, патопсихология). Например, В.М. Бехтерев, приглашенный в Казанский университет,

согласился работать только при условии создания при кафедре душевных болезней собственной психиатрической клиники и лаборатории для психофизиологических исследований. В начале XX века регулярно выходит журнал «Психотерапия. Обзорные вопросы психического лечения и прикладной психологии», в котором исследуются основные положения психоаналитической концепции З. Фрейда. Ученые-медики ищут свой путь в деле профессиональной помощи человеку. Бурно развиваются идеи гипноза и его лечебного воздействия на психику, обсуждаются вопросы этиологической роли психогенных факторов в развитии неврозов, отмечается небывалый интерес к естественнонаучным проблемам (экспериментальным подходам к изучению мозга, рефлексам головного мозга и пр.). Здесь теоретическая психология служит практическим задачам медицины, ведь многие психиатры видят в возможности проводить экспериментальные психологические исследования средство повышения престижа своей профессии.

Актуально и гуманистическое направление в психотерапии. А.И. Яроцкий, вошедший в историю медицины как первый исследователь, снявший электрокардиограмму с обнаженного сердца, предложил в своей работе «Идеализм как физиологический фактор» аретотерапию как исследование, в первую очередь, духовной жизни пациента для облегчения его болезненного состояния и формирования у него «здорового мироощущения».

Но стоит заметить, что медицина меньше, чем психология, была связана с идеологическими дебатами. В представлении большинства врачей, в отличие от других специалистов, например, теоретически ориентированных психологов, несет ответственность за жизнь и здоровье своего пациента, поэтому имеет дело с конкретными симптомами и синдромами, т.е. с тем, что в настоящее время принято называть «объективной картиной болезни». Как тут не вспомнить доктора из известного фильма «Формула любви»: «А голова — предмет тёмный, исследованию не подлежит».

В 1904 г. в Петербурге было выпущено «Толкование сновидений» З. Фрейда, после чего Бехтерев, Данилевский, Тарханов и другие — в первую очередь, психиатры — прилагают усилия для внедрения психоанализа в медицинскую практику. В издании «Реальная энциклопедия практической медицины: медико-хирургический словарь для практикующих врачей» 1914 года появляется одно из первых определений термина «психотерапия» в России: «Под психотерапией понимают лечение воздействием на психику. Ее не всегда можно строго отграничить от других способов лечения, так как и последние часто оказывают большое влияние на психику больного. Так, например, алкоголь, бром, морфий и многие другие наркотические средства влияют на психику. Точно так же на нее воздействуют и физические методы лечения, например, массаж, фарадизация кисточкой и т.п. Но все эти воздействия не относятся к психотерапии, так как при них влияние на психику происходит не непосредственно, а только в зависимости от физического или химического воздействия» [24, с. 524]. Вплоть до 30-х гг. XX в. психоаналитические идеи были одной из важных составляющих русской интеллектуальной жизни, не встретив того резкого сопротивления, с которым они сталкивались на Западе. Состоятельные русские пациенты годами подвергались психоанализу у специалистов в Вене, Цюрихе и Берлине. Исследователь истории психоанализа в России А. Эткинд отмечает: «В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, психоанализ был известен в России более, чем во Франции и даже, по некоторым свидетельствам, в Германии. «В России, — писал Фрейд в 1912 г., — началась, кажется, подлинная эпидемия психоанализа» [32, с. 11].

Параллельно развивается философская, т.е. теоретическая психология («психология без всякой метафизики» А.И. Введенского, философская психология Л.М. Лопатина и С.Л. Франка и др.). Так, Н.Н. Ланге, ученик М.И. Владиславлева, в своей книге «Психология» сформулировал основные принципы психологии как самостоятельной науки, подчеркивая, что у этой науки есть два лика, как у Януса. Один обращен к естествознанию, другой — к наукам о духе. Так начинает проявляться противоречивость между теоретической и практической психологией (их можно назвать также академической и прикладной).

Данная тенденция продолжилась и в XX веке; она хорошо описана М. Полани, который был и философом, и военным врачом. Во время его визита в СССР в 1935 году с лекцией для Наркомата тяжёлой промышленности Н. Бухарин заявил в разговоре с Полани, что различие между фундаментальной и прикладной наукой является ошибкой капитализма и что в социалистическом обществе все научные исследования ведутся в соответствии с нуждами последнего пятилетнего плана [37, с. 8]. М. Полани позже ответил Бухарину, развернув тезис о противоречивости теоретической и практической науки относительно законов познания. Он указывал: если в фокусе внимания находится предмет деятельности, то в его периферийной тени — средство. Если в фокусе ученого — проблема (что?), и она осознается, то метод (как?) чаще оказывается вне света разума. Сознание не может одновременно угнаться за двумя зайцами.

Россия в период до 1917 года была включена в мировой процесс становления и развития психологического знания. Позиция материализма в этот период усиливается расцветом позитивизма как отрицательной реакции на господство идеалистических школ и направлений. Именно позитивизм характеризуется стремлением перенести психологическое знание на более реалистичную позицию, а также критикой немецкой идеалистической школы, в первую очередь, гегельянства, и основной познавательной установкой на абсолютизацию физического знания. Поэтому методологическим основанием для психологии с точки зрения позитивизма выступает согласование образа человека с данными точных наук, в первую очередь, физики и биологии.

Как известно, представители марксизма-ленинизма были последователями и выразителями, в первую очередь, позитивизма. Поэтому именно материалистическая ветвь в российской психологии была активно поддержана представителями Советской власти. В.И. Ленин еще в 1894 году, будучи на стороне материалистической линии в психологии, писал: «Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа. Нелеп этот прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив, в частности, психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения... и суметь поставить на научную почву изучение фактов» [12, с. 141–142].

Третий этап развертывания закона единства и борьбы противоположностей — появление различий в своем предельном виде, в виде противоположностей. Если в Европе этот этап развертывания противоречия присутствовал в смягченной форме, без «административного ресурса», то в Советской России психологию и психотерапию вовлекли в решение задач социалистического строительства с необходимыми атрибутами: классовой борьбой и непримиримостью к инакомыслию.

В 1921 г. в Москве создана «Психоаналитическая ассоциация исследований художественного творчества», на основе которой при поддержке Л.Д. Троцкого и Н.К. Крупской было учреждено Российское психоаналитическое общество (РПО), включающее в себя две секции: медицинскую (М.В. Вульф) и педагогическую (П.П. Блонский). В Казани открылось Казанское психоаналитическое общество под руководством А.Р. Лурии. Отечественные психоаналитики были вынуждены обосновывать и отстаивать связь марксизма и фрейдизма, с одной стороны, и единую теоретическую платформу теории З. Фрейда и естественнонаучных взглядов И.П. Павлова — с другой. Перед ними была поставлена сложная задача — создать единую, «подлинно материалистическую концепцию личности». Однако уже в 1925 г. Совет народных комиссаров закрыл часть исследований «в связи с несоответствием результатов работы вложенным средствам» [23, с. 503].

Психология также была вынуждена приспособиться к требованиям новой власти. Для решения вопросов ликвидации безграмотности, профессионального отбора/подбора и обоснования первостепенной роли социальных факторов в становлении человека активно развиваются педология и психотехника как компоненты практической психологии.

Педология претендовала на комплексный подход. Но, как заметил А.В. Петровский, «для того, чтобы провести синтез знаний о ребенке, необходима была стадия предварительного методологического анализа данных психологии, физиологии и анатомии, к которому она оказалась неготовой. Педология так и не поднялась до научного синтеза разнообразных знаний о ребенке, полученных другими науками. Педологи-теоретики на проверку оказывались кто психологом (Выготский, Басов), кто дефектологом или психиатром (Грибоедов), кто врачом-педиатром (Аркин), кто физиологом (Щелованов), гигиенистом, социологом и т.п., и «синтез наук» заканчивался у них в последних строчках предисловий к книгам» [17, с. 101].

Психотехника была ориентирована на идеологическую пропаганду советских идей, научное обоснование формирования нового человека, теоретическое обоснование новаторских движений. Но, несмотря на серьезные достижения в вопросах отбора, воспитания, организации трудового процесса, исследований профессионально значимых качеств, профобучения и пр., «уже в 20-е годы и в педологических, и в психотехнических исследованиях были получены данные о низком уровне нравственного, интеллектуального и физического уровня развития и о высокой частоте нравственных, психологических и соматических нарушений у населения СССР» [16, с. 48]. Именно эта критическая информация и оценка большого числа советских людей как негодных к учебе и труду были одной из причин запрета педологии и психотехники. В 1936 году вышло знаменитое Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», в котором было заявлено: «ЦК ВКП (б) осуждает теорию и практику современной так называемой педологии. ЦК ВКП (б) считает, что и теория и практика так называемой педологии базируется на ложно-научных, антимарксистских положениях. К таким положениям относится, прежде всего, главный «закон» современной педологии — «закон» фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды. Этот глубоко реакционный «закон» находится в вопиющем противоречии с марксизмом и со всей практикой социалистического строительства, успешно перевоспитывающего людей в духе социализма и ликвидирующего пережитки капитализма в экономике и сознании людей» [22]. Данное постановление, по образному выражению Б.С. Братуся, будучи «не пулей, а бомбой» [1, с. 15], привело к разгрому перспективных направлений как в психологии, так и в психотерапии. Братусь пишет: «Были закрыты Институты труда, психотехнические лаборатории, разогнаны различные психологические общества, ликвидированы психологические журналы и периодические издания, рассыпаны типографские наборы книг, приготовленных к печати; изымались из библиотек и уничтожались книги, имеющие отношение к педологии, тестологии и ко всему, что так или иначе могло о них напомнить, стали в большом количестве появляться разгромные статьи и брошюры против психологов, а вскоре начались выборочные аресты, высылки, расстрелы [Там же. С. 15–16]. Так, А.Б. Залкинд — директор Института психологии, педологии и психотехники, председатель Президиума Общества психоневрологов-материалистов — подвергся гонениям и партийной проработке за «фрейдизм» и «извращения в работе», из-за чего был вынужден признать ошибочность своей «связи» с фрейдизмом. Залкинд был снят с должности директора Института психологии, педологии и психотехники. Умер на улице от инфаркта после партсобраний, на котором его деятельность была раскритикована. Постановление «задело» и психотерапевтов, которые также подверглись репрессиям.

Естественнонаучные направления в это время активно развивались. Причем именно физиологи были обласканы новой властью. Идеи И.П. Павлова, которого недаром чтут как отца бихевиоризма, как нельзя более кстати пришлись «ко двору» Советской власти. Так, Б.С. Братусь приводит воспоминания очевидца жизни в послереволюционном Петербурге Н. Полетика, который рассказывал, как пассажиры трамвая № 9, следовавшего до Военно-медицинской академии, «обычно встречали скромно одетого старичка, который громко, не боясь, ругал Советскую власть... Этим стариком был не кто иной, как лауреат Нобелевской премии Иван Петрович Павлов»

[Там же. С. 11]. Эксперименты на животных, а потом и перенос их на людей, когда в качестве лабораторного материала использовались беспризорники в возрасте 6—15 лет, позволили разобраться в природе мышления человека. Опыты на детях и подростках ставились в детской клинике 1-го ЛМИ, в Филатовской больнице, в больнице им. Раухфуса, в отделе экспериментальной педиатрии ИЭМа, а также в нескольких детских домах. Как цинично отмечал Ф.П. Майоров, бывший официальным летописцем павловской школы: «Некоторые из наших сотрудников расширили круг экспериментальных объектов и занялись изучением условных рефлексов у других видов животных; у рыб, асцидий, птиц, низших обезьян, а также детей» [14, с. 185]. В 1929 году Иван Петрович Павлов номинировался на вторую Нобелевскую премию. Его кандидатуру «завернули» еще на этапе рассмотрения, порекомендовав более никому не показывать разработки с беспризорниками как факт, порочащий науку, как дикарство и химически чистый цинизм, до которого не должен опускаться ученый.

Смысл теоретических построений этого, несомненно, выдающегося физиолога — в том, что психическая деятельность рассматривается как механическая и материалистическая, которую, следовательно, можно регулировать «со стороны», «преобразовывать человека»; в этой деятельности нет места сознанию, интроспективным методам. С такой позиции важно продемонстрировать, что человеком можно управлять, а мысли — это продукт его деятельности («бытие определяет сознание» — главный тезис марксистско-ленинской философии и материалистической психологии), поэтому и мыслями также можно управлять.

А Г.И. Челпанов имел смелость утверждать в 1923 году: «Гибель научной психологии, невольными свидетелями которой мы являемся, у нас в России есть результат нашей общей некультурности... Марксистская психология не имеет никакого отношения к физиологии, а потому величайший абсурд — думать, что изучение условных рефлексов по методу Павлова — есть подлинная марксистская психология» [29, с. 29]. Ему вторит Л.С. Выготский: «Павлов хочет не только отвоевать независимость для своей области исследования, но и распространить ее влияние и руководство на все сферы психологического знания, что видно из его прямых указаний на то, что спор идет не только об эмансипации от власти психологических понятий, но и о разработке психологии при помощи новых пространственных понятий» [5, с. 44]. Описывая кризис в психологии, Л.С. Выготский, полемизируя со своим оппонентом И.П. Павловым, отмечает углубление противоречивости 2-х психологий — марксистской, т.е. материалистической, и традиционной: «Что же наиболее общего у всех явлений, изучаемых психологией, что делает психологическими фактами самые разнообразные явления — от выделения слюны у собаки и до наслаждения трагедией, что есть общего в бреде сумасшедшего и строжайших выкладках математика? Традиционная психология отвечает: общее — то, что все это суть психологические явления, непространственные и доступные только восприятию самого переживающего субъекта. Рефлексология отвечает: общее то, что все эти явления суть факты поведения, соотносительной деятельности, рефлексы, ответные действия организма. Психоаналитики говорят: общее у всех этих фактов, самое первичное, что их объединяет, — это бессознательное, лежащее в их основе. Три ответа соответственно означают для общей психологии, что она есть наука: 1) о психическом и его свойствах, или 2) о поведении, или 3) о бессознательном. Отсюда видно значение такого общего понятия для всей будущей судьбы науки» [Там же. С. 47]. И ниже: «Рефлексология, благодаря многим плодотворным принципам естественных наук, оказалась глубоко прогрессивным течением в психологии, но как теория метода она глубоко реакционна, потому что возвращает нас вспять к наивно-сенсуалистическому предрассудку, будто изучать можно только то и постольку, что и постольку мы воспринимаем» [Там же. С. 84].

Таким образом, в отечественной психологии до Второй мировой войны сформировалась оппозиция естественнонаучной, материалистически ориентированной психологии и психологии, которая разрабатывала в первую очередь теоретико-методологические аспекты психологического знания. Л.С. Выготский, пытаюсь

примиришь их, найти общие основания для обеих психологий, предполагал, что «психология беременна общей дисциплиной, но еще не родила ее» [Там же. С. 46]. И уже в больнице, будучи смертельно больным, Л.С. Выготский говорил: «Общая психология где-то рядом. Мы держим в руках нить от нее» [10]. Так психология в России раздвоилась, превратившись в одобряемую властью психологию безличных психических процессов, механизмов и функций, опирающуюся на естественнонаучную парадигму и «андеграундную» психологию, исследующую субъективные переживания человека, смысловую организацию его жизненного мира, имеющую основанием гуманистическую парадигму. Если первая психология сделала много открытий в ответ на вопрос «что и как?», то вторая дала много ответов на вопрос «для чего?». Но и первая, и вторая, в силу объективных причин, не задавались вопросом, на который в это же время пыталась ответить вся мировая психотерапия — «зачем?».

Советская реальность такова, что «как ни парадоксально, на протяжении всей истории развития советской психологии и психотерапии, эти дисциплины, по существу, не соприкасались друг с другом. В итоге приходится признать чрезвычайно скромным вклад психологии в развитие отечественной психотерапии, что впрочем, справедливо и наоборот», — пишет В.Н. Цапкин [31, с. 48]. Однако на отечественную психотерапию серьезное влияние оказала как раз рефлексология. Поэтому в советских учебниках по психотерапии преобладали именно директивные методы: суггестия, рациональная психотерапия как метод «лечения перевоспитанием» с целью укрепления воли, отрицательное самовнушение по М.Д. Танцюре, мотивированное внушение по Н.В. Иванову, императивное внушение наяву на фоне сильного эмоционального напряжения при заикании по В.М. Шкловскому и др. Исследовалась практика гипнотизации на расстоянии посредством телефона, телевидения, разрабатывались «сочетанные методы психотерапии», комбинирующие внушение с другими, в первую очередь, фармакологическими и физиотерапевтическими методами лечения.

Можно констатировать, что ситуация становления советской психологии и психотерапии привела к победе части одной из противоположностей — марксистско-ленинской психологии. Однако другая противоположность — психотерапия — не была уничтожена или поглощена «более сильной» противоположностью. Просто произошло изменение степени преобладания одной противоположности над другой в рамках целостной системы. Ведь внутренний динамизм явления не исключает покоя и постоянства, что может характеризоваться как застой в развитии. Именно застой в плане продуцирования новых идей и определяет состояние советской психологии и психотерапии. Как психология, так и психотерапия в СССР характеризовались следующими особенностями. Во-первых, комплексом «провинциализма», т.к. только единицы «проверенных» психологов и психотерапевтов могли в это время, по крайней мере, до «оттепели» Хрущева, взаимодействовать с мировым сообществом. Во-вторых, психологией, как и психотерапией, особенно гуманистически ориентированной, было заниматься небезопасно. Выходить «за рамки» разрешенных методов психотерапевтического вмешательства также было запрещено.

В мире же Вторая мировая война объединила психологов и психотерапевтов для решения проблемы жизнестойкости человека в условиях войны. Военное министерство США включило психологию в список «решающих» профессий [13, с. 402], появилась новая профессия — клинический психолог, цель которого была определена как психотерапевтическое воздействие на ветеранов войны. В 1946 году такая специальность была введена в университетах со следующей мотивацией: «Психология должна отделиться от своих самых непосредственных соперников, психиатров, которые с первых дней появления «клинической» психологии еще до I мировой войны боялись, что психологи могут узурпировать их терапевтические обязанности» [Там же. С. 405].

Четвертый этап — борьба противоположностей — развернулся на фоне серьезных дебатов как внутри психологии, так и внутри психотерапии. Как отмечали В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунов: «Все устали от монизма, идущего то ли от проектов Козьмы Пруткова о введении единомыслия в России, то ли от марксизма, то ли от православия» [7, с. 50–51].

На этом этапе очень ясно видно, что у каждой противоположности есть своя внутренняя противоречивость, что еще раз доказывает внутреннее единство рассматриваемого противоречия. На передний план гуманитарной науки выходит вопрос применения теоретических знаний на практике. Как указывал Ф. Василук: «У нас была только прикладная практическая психология (т.е. приложения психологии к различным социальным сферам, по имени этих сфер и получившие свои названия — педагогическая, медицинская, спортивная и т.д.), но не было психологической практики (т.е. особой социальной сферы психологических услуг)» [2, с. 16]. И здесь тоже проявлялись противоречия внутри противоположности. Специалисты рассматривали психологов, с одной стороны, как подмастерьев в своей профессиональной деятельности, а с другой — требовали научных выводов и грамотных заключений. Внутри психотерапии сталкиваются врачебный подход, в котором врач-психотерапевт рассматривает своего пациента как объект для лечения и восстановления психического здоровья, и гуманистически ориентированный подход, когда страдание клиента есть неотъемлемый аспект существования человека, а иногда и его смысл.

Современное состояние российской психологии и российской психотерапии можно охарактеризовать как поле битвы всех против всех. Психологи сражаются за корпоративную («школьную») принадлежность, за право обладать особыми полномочиями, за независимость, за приоритеты и пр. Клиентам и заказчикам психологических услуг хотелось бы получить максимальный результат за минимальные средства. Различные надстроечные организации, в том числе и государственные структуры, ориентируясь в первую очередь на контроль, зачастую не осознают, что и как они способны контролировать в реальности. В бой периодически вступают всевозможные общественные организации и союзы, одни из которых были созданы как профессиональные сообщества, другие — для конкретных политических целей. С другой стороны, тотальная информатизация привела к тому, что с помощью интернета и огромного количества литературы любой гражданин может стать «экспертом» в психологии.

Примерно в такой же ситуации оказывается и российская психотерапия, которой повезло быть более структурированной как системе в силу врачебной принадлежности. Данная деятельность, появившись внутри медицины в средневековой Европе одной из первых как профессиональная, способствовала упорядочению и стандартизации. Именно профессия «врач» была одной из первых институализирована и в глазах общественности всегда была классической, потому что, во-первых, сами услуги данной профессии были значимыми с позиции общества; во-вторых, для обеспечения качества оказываемых услуг необходимы были специальные знания и навыки, которые можно было приобрести только в процессе длительного обучения, в т.ч. практико-ориентированного [35, с. 24]. Поэтому профессию врача можно назвать своеобразным эталоном для других профессий. Не поэтому ли до сих пор психологи в стремлении приобрести привилегированный профессиональный статус пытаются следовать этой ролевой модели?

Ситуация осложняется и «выяснением отношений» между психологами и психотерапевтами. Еще в 1988 году Э. Эббот выявил закономерность взаимоотношения профессий. Между профессиями идет постоянная борьба за прерогативу высказывать решающее мнение о том, как потребителю поступать в конкретной ситуации. В основе данного конфликта лежит конкуренция за власть, связанная с принятием значимых решений.

Кризис в современной психологии можно охарактеризовать следующими положениями. Во-первых, одновременно существующие научные школы, сражаясь за первое место, отказывают в праве на существование другим направлениям.

Во-вторых, серьезную озабоченность всех психологов и большинства психотерапевтов вызывает низкая этическая культура дискуссии.

Этап разрешения противоречия начинается с поляризации противоположностей. Говоря о разрешении противоречия, Гегель отмечал, что, разрешаясь, они «идут ко дну, на грунт», т.е. к своему основанию. Поиск основания равен поиску ведущего звена в противоречивом отношении противоположных сторон действительности, которое может заключаться либо в переходе противоречия в другое качество, либо в гибели обеих противоположностей.

В предисловии к книге В.Н. Цапкина «Единство и многообразие психотерапевтического опыта» Ф.Е. Василюк сравнивает современную ситуацию с большой московской коммуналкой: «Уставшим от склок взрослым невдомек, что все они, в сущности, добрые люди, и нет между ними непроходимой пропасти, и сколько в их изолированных комнатках общего и похожего, и даже ссоры их по-своему поэтичны, и главное, что сама трудная совместимость их жизни полна тайного смысла» [3, с. 4]. В этой же работе подчеркнут комплиментарный характер психологии и психотерапии, когда разные относительно человека позиции позволяют специалистам эффективно и результативно оказывать помощь своему пациенту или клиенту. Так сложилось в отечественной практике, что психологии было разрешено развиваться на естественнонаучных основаниях, по крайней мере, в период Советского Союза, что позволяет психотерапии опереться на экспериментальные данные, подлежащие контролю. Советская психотерапия в основном развивалась в гуманистическом направлении как противоположность психиатрии, которую в постсоветский период назвали «карательной». Пережив так называемый «павловский» подход, навязанный уже после смерти этого выдающегося ученого, в котором была определена тенденция к биологизации медицины и изоляции от мирового развития психотерапии, многие советские психотерапевты стремились избежать обвинений в отходе от материалистических позиций и предпочитали назначать своим пациентам фармакологическое или другое лечение.

Перестройка, открыв возможности взаимодействия с мировым психотерапевтическим сообществом, привела к появлению огромного разнообразия подходов и технологий в психотерапии. И в России нахлынувший поток разнообразия привел к расцвету интегративных технологий, по поводу которых остроумно сказал А. Сосланд: «Интертекст не порождает новых конфигураций. Если мы ограничимся подобными рамками, то в итоге нас ждет бесконечное переключивание ингредиентов из одного салата в другой» [28, с. 29].

Психология может помочь психотерапевту разобраться в индивидуально-личностном портрете, а психотерапия, как медицинская деятельность, ориентирует психолога в клинических особенностях человека, нуждающегося в профессиональной помощи. Но до сих пор психотерапевты-медики и консультирующие психологи (т.к. психотерапевтами они не могут называться в соответствии с нормативными актами РФ) не могут прийти к взаимопониманию. Причины этой продолжающейся борьбы противоположностей заключаются в следующем:

1. Принципиально разная профессиональная подготовка, что привело к неполноценности философско-гуманитарной грамотности у медиков и к серьезным пробелам в медицинских знаниях у психологов.
2. До сих пор наблюдается второстепенное положение клинического психолога в клинике (в профессиональном стандарте работников здравоохранения медицинский психолог следует после зоолога, энтомолога и инструктора-методиста по ЛФК).
3. Как следствие, у психолога в здравоохранении ниже заработная плата, отсутствие льгот, которые имеет психотерапевт (например, 56-дневный отпуск и пр.).
4. Клинический, как и любой другой психолог, даже если он прошел профессиональную подготовку для осуществления психотерапевтической помощи, не имеет права так называться. А любой выпускник медицинского института, прошедший интернатуру по психиатрии, может занять должность психотерапевта, что зачастую и происходит.

Как известно из философии, борьба как форма существования диалектического закона всегда предполагает стремление любой из противоположностей к победе над другой, т.е. к поглощению другой любой ценой. Но как только достигается победа, это явление перестает существовать, оно разрушается, ибо исчезает одна из противоположностей, которая была, тем не менее, одним из фундаментальных первоначал явления. В итоге борьба несовместима со стабильностью. И если Энгельс в своей формулировке диалектического закона единства и борьбы противоположностей абсолютизировал стремление к изменению, то проблема стабильности, так актуальная в настоящее время, им практически не описана. Здесь требуется вернуться к античной философии, в частности к, пожалуй, единственному диалектику Древней Греции — к Гераклиту, у которого уже есть понятие устойчивого равновесия между противоположностями — понятие гармонии. Гармония предполагает, что противоположности взаимоукрепляются, и это способствует наращиванию темпа позитивных изменений. Другими словами, именно гармоничное существование противоположностей приводит к порядку во взаимодействии этих противоположностей, что поддерживает развитие противоречия как перехода в другое качество. Таким образом, борьба с целью победы является лишь начальной для существования какого-то явления. Пока она происходит, сложно сказать, что явление приобрело какую-то качественную определенность, это своеобразная проба сил. Равновесие же можно задать явлению извне, однако это будет искусственная гармония.

Если же само явление выстраивается гармонично, то внутри него происходит уравнивание противоположностей, когда система перестает тратить энергию на бесперспективную борьбу.

У известного польского писателя Януша Вишневского есть рассказ «Химия облатки», в котором он описал ситуацию предрождественского вечера, когда везде сияют наряженные елки, люди оживлены и готовятся к празднику. И вдруг из ворот больницы, напротив которой тоже стоит украшенная елка, выбегает маленькая девочка в больничной одежде и торопится к этой елочке. Движение останавливается, за малышкой торопится охранник... Академическая психология опишет эту ситуацию через механизмы: нейропсихологические, психофизиологические и пр. Практическая психология и психотерапия обратятся в первую очередь к эмоциям. Я. Вишневский заканчивает рассказ словами: «Когда я читаю отчеты разных нейротологов, я вспоминаю ту девочку, маленькую сумасбродку, бегущую через улицу к елке, и радуюсь тому, что поэт может правдиво описать человека, а лаборант — нет» [4, с. 149–150]. Надеюсь, что и у российской практики и теоретического обоснования оказания профессиональной помощи человеку будет свое Рождество.

Литература

1. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: конспективное рассмотрение. – М.: Флинта, 2000. – 88 с.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Издательство МГУ, 1984. – 240 с.
3. Василюк Ф.Е. Предисловие // Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта. – М.: Изд-во МГППУ, 2004. – С. 4–5.
4. Вишневский Я.Л. Молекулы эмоций / пер. с польск. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 224 с.
5. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Психология развития человека. – М.: Смысл, ЭКСМО, 2005. – С. 41–191.
6. Ждан А.Н. Российская психология. Антология. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009. – 1280 с.
7. Зинченко В.П., Моргунев Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – М.: Тривола, 1994. – 304 с.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.

9. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – М.: Правда, 1988. – 544 с.
10. Лев Выготский: очень краткое введение [Электронный ресурс]. – URL: <http://econet.ru/articles/126512-lev-vygotskiy-ochen-kratkoe-vvedenie> (дата обращения: 10.03.2017).
11. Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. – М.: Логос, 2007. – 224 с.
12. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Соб. сочинений: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – Т. 1. – С. 125–346.
13. Лихи Т. История современной психологии / пер. с англ. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 448 с.
14. Майоров Ф.П. История учения об условных рефлексах. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – 368 с.
15. Марченкова М.В. Очерк о развитии психотерапии в России // Консультативная психология и психотерапия. – 2012. – № 1. – С. 169–182.
16. Олешкевич В.И. История психотехники: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2002. – 304 с.
17. Петровский А.В. Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука / под общ. ред. проф. М.Г. Ярошевского. – Л.: Наука, 1991. – С. 126–135.
18. Пивоваров Д.В. Категории онтологии: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во УРФУ, 2016. – 552 с.
19. Пикрен У. Великая психология: от шаманизма до современной неврологии. 250 основных вех в истории психологии / пер. с англ. – М.: Изд-во «Бином. Лаборатория знаний», 2016. – 536 с.
20. Платон. Диалоги // Платон. Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Философское наследие, 1968. – Т. 2.
21. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: Аст, 2008. – 640 с.
22. Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 04.07.1936 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info> (дата обращения: 10.03.2017).
23. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 2006. – 944 с.
24. Реальная энциклопедия практической медицины: медико-хирургический словарь для практикующих врачей / под ред. приват. доц. Императорской Военно-Морской Академии М.Б. Блюменау. – СПб., 1914. – Т. XVI. – 736 с.
25. Решетников М.М. Психотерапия – как концепция и как профессия // Независимый психиатрический журнал. – 2003. – № 2. – С. 15–21.
26. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию // Избранные философские и психологические произведения / под ред., со вступ. ст. и примеч. В.М. Каганова. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 222–308.
27. Слабинский В.Ю. Основы психотерапии. Практическое руководство. – СПб.: Наука и техника, 2008. – 464 с.
28. Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода. – М.: Логос, 1999. – 368 с.
29. Челпанов Г.И. Психология и марксизм. – М.: Русский книжник, 1924. – 29 с.
30. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии. – М.: ОГИЗ, 1944. – 88 с.
31. Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта. – М.: Изд-во МГППУ, 2004. – 199 с.

32. Эткинд А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. – СПб.: Медуза, 1993. – 464 с.
33. Яроцкий А.И. Идеализм как физиологический фактор. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1908. – 302 с.
34. Abbott A. The System of Profession: An Essay on the Division of Expert Labor. – Chicago: Chicago University Press, 1988. – 452 p.
35. Dewe B. Professionsverständnisse – eine berufssoziologische Betrachtung // Professionalisierung im Gesundheitswesen. Positionen, Potentiale, Perspektiven / edit. by J. Pundt. – 2 Auflage. – Bern: Verlag Hans Huber, 2012. – P. 23–35.
36. Kopper J. Einleitung // Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. – Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1980. – P. 12–14.
37. Polanyi M. Science, Faith, and Society. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. – 96 p.
38. Regulating the Health Professions / edit. by J. Allsop, M. Saks. – London: Sage, 2002. – 166 p.

Russian psychology and Russian psychotherapy: unity and conflict of opposites

Rogacheva T.V.

Rogacheva Tat'yana Vladimirovna

doctor of psychological Sciences, Director, Autonomous nonprofit organization "Ural center of complex rehabilitation", 8 Marta str., 194, Ekaterinburg, 620144, Russia. Phone: 8 (343) 380-25-70.

E-mail: TVRog@yandex.ru

Abstract. The article offers to consider the development of relations between Russian psychology and Russian psychotherapy from the perspective of functioning of a dialectical law of the unity and conflict of opposites. It analyzes basic stages of the development of this law. The first stage is unity as undifferentiated identity in the ontological aspect of psychology and psychotherapy existence at the initial stages of their establishment. At the stage of unity, the existence of one part of a contradiction (psychology) is a condition for the existence of another part (psychotherapy). The article shows the relation between psychology and psychotherapy through a single subject focused primarily on philosophy. Besides, it reports a developing difference, since philosophic psychology was aimed at reasoning on the human soul, while practical psychology as a pre-scientific psychotherapy focused on the treatment of a soul. Disharmony in relations between psychology and psychotherapy is associated with an active development of natural scientific disciplines, when the issue of the subject of psychology became relevant. The discussions about the subject of psychology led to the impaired functioning of a contradiction at the first stage and transition to the second stage of development. This stage implies that the original unity of a system is divided into opposites, which form a contradictory interaction. The tendencies to the increase of difference in understanding their subject and methods are growing inside the Russian psychology and Russian psychotherapy. The article shows that the contrariety between theoretical and practical psychology is manifested in academic and applied direction. It underlines less contradictory nature of the Russian psychotherapy, since psychotherapy is less influenced by ideology than psychology. The article describes the specific manifestation of the relations between psychology and psychotherapy as a reflection of the developing law of unity and conflict of opposites in the Soviet period. The specifics of the relations between opposites were caused by the necessity to build socialism with such its attributes as class struggle and intolerance to nonconformity for both psychology and psychotherapy. The representatives of psychology and psychotherapeutic trends who took part in the justification of the issues confirming the "general course" of the Soviet government were supported by this government and entered a severe struggle against nonconformists. This led to repressions. In the result, the degree of dominance of one opposite over another within a whole system changed. It can be referred to as stagnation in development. The stagnation in the creation of new ideas conditioned

the state of both Soviet psychology and Soviet psychotherapy. The perestroika and post-perestroika periods witnessed an active struggle of opposites against the background of serious debates inside both psychology and psychotherapy, which marks the beginning of the next stage in the functioning of the law of unity and conflict of opposites. Each contradiction has its internal contrariety, which proves the internal unity of the contradiction under consideration. The application of theoretical knowledge becomes a priority for psychology, while psychotherapy is interested in methodological justification of its technologies and methods. This contradictory state of two opposites can be solved in case of harmonious co-existence, when one of the parts strengthens the other, and vice versa, which leads to the acceleration of the tempo of positive changes. Thus, the article indicates that psychology can help a psychotherapist in understanding the individual-personal portrait, while psychotherapy as mostly a medical activity, informs a psychologist about clinical peculiarities of a human who needs professional aid. In the end, the authors express their confidence that a conflict between psychology and psychotherapy will end in the harmony of opposites and transition to a new quality.

Key words: dialectic law of the unity and conflict of opposites; Russian psychology; Russian psychotherapy.

For citation

Rogacheva T.V. Russian psychology and Russian psychotherapy: unity and conflict of opposites. *Med. psihol. Ross.*, 2017, vol. 9, no. 2(43), p. 3 [in Russian, in English]. Available at: <http://mprj.ru>

Received: February 13, 2017

Accepted: March 13, 2017

Publisher: April 5, 2017

The title of the article contains one of the main dialectical laws — the law of unity and conflict of opposites. It is well known that this law reflects the dialectics of development of various phenomena. The contradiction, which consists of opposites, is always a certain challenge for thinking. It is an expression of insufficiently developed knowledge and the condition of its further activity. K. Popper wrote, "Without a contradiction, there would be no rational cause to change theories — there would be no intellectual progress... Once we have changed this mindset and resigned to contradictions, they lose any fruitfulness" [21, pp. 521–522]. Therefore, a contradiction revealed in a certain system needs an active and conscious search for the realization of a research task. The laws of dialectics enable to understand tendencies and new abilities hidden in a system.

The value of any philosophic category can be measured. What is more, it is measured rather by the abundance of the problems that it can be solve than by the richness of its internal content. The notion "opposite" is precisely the philosophic category, which is usually defined as "mutually reinforcing parts of a particular unity with mutually excluding directions of their dimension. These parts (moments) of contradiction exist in interdependence, interpenetration and mutual reflection" [18, p. 315]. Thus, this notion encompasses the following forms of existence of a contradiction: unity of opposites, relative inequality (identity), difference, conflict. Let us consider the history of relations between psychology and psychotherapy in Russia from the position of development of this dialectic law.

The first stage is a unity of psychology and psychotherapy. Philosophic systems often define the unity (Greek. *μονάς*, Latin. *unitas*) through the notion of the relations between some processes, which form a whole system of interaction, internally sustainable in changes and at the same time involved in a larger system. The main conditions of the existence of a single process are continuous relation between opposites, interdependence, mutual strengthening, and interpenetration.

It is well known that the term "psychology" was first used by a Renaissance scientist Marco Marulich in 1506 in his tractate *On Living a Proper Life on the Examples of Saints* [18, p. 42]. At the beginning of the XIX century, the "Help yourself" movement headed by Phineas Quimby, a watchmaker and then a healer, emerged in England. He assumed that illnesses are the result of false beliefs. Therefore, correct thinking can preserve health.

As for the term "psychotherapy", it was introduced by the English doctor Daniel Hack Tuke. The author describes psychotherapy as a "therapeutic impact, which client's spirit could have with regard to the body due to doctor's influence" in his book *The Illustration of Influence of the Mind on the Body* written in 1872 [Ibid. P. 96].

However, both psychology and a possibility to apply knowledge of human states as a kind of psychotherapy existed well before these notions were categorized. Thus, any textbook on the history of psychology starts with antiquity. *Obschiy Oчерk Psikhologii v Rossii* [General Sketch on Psychology in Russia] written by A.N. Zhdan as an introduction to a large work *Rossiyskaya Psykhologiya. Antologiya* [Russian Psychology. Anthology] indicates that "the beginning of the Russian psychological thought goes back to the XVIII century ... however, the prehistory of the Russian psychological thought is represented by the views on a human and his spiritual life established in the Ancient and Medieval Rus up to the XIV century" [6, p. 3]. The history of psychotherapy starts as a "part of temple medicine, which was pierced by magical practice and included the mythology of ancient cultures, theological interpretations, mysteries, "fine feelings" and secret knowledge of adepts, as well as a belief in the existence of supernatural forces" [27, p. 26]. In his *Dialogues*, Plato wrote about the necessity of treating a soul above all, "Everything — both good and evil — is produced in the body by the soul; it is the soul that is at the beginning of everything... Therefore, we mostly need to treat a soul" [19, p. 246].

If we recall that many doctors (Hippocrates, Halen, Empedocles, Cornelius Celsius and others) were philosophers too (originally, any educated person was called a philosopher), we understand that these processes are united because at the beginning, psychology and psychotherapy were mutually conditioned. Their "internal unity" was represented by in a single subject of study focused on the philosophy of mind, gnoseology, and ethics, while "external unity" was represented by the diversity of these processes. If pre-scientific philosophic (we can say it in this context) psychology was aimed at reasoning on a human soul, practical psychology as a pre-scientific psychotherapy focused on the treatment of a soul.

Thus, the existence of one part of the unity is a condition for the existence of another part. A common subject of study and divergence of a scientific thought in antiquity demonstrate both interdependence and the seeds of a contradiction inside still a single system. G.D. Levin wrote, "The subjects are opposites only if they have a common generic sign." [11, p. 118] Philosophy is this generic sign for psychology and psychotherapy in antiquity. M.M. Reshetnikov indicates, "Psychotherapy in Europe emerged rather during the implication of philosophy and psychology (humanitarian knowledge) into medical (biologically centered) science and practice than during the development of medicine. Philosophers were the "researchers of a soul" as early as in the XIX century [25, p. 17]. Thus, I. Kant who studied human abilities offered his anthropology to analyze various characteristics of a person. I. Kopper wrote that Kant's Anthropology is something like a bridge between person's actual and conditional life and unconditional philosophic understanding of a person as "its last objective", which gives a correct perspective of the consideration of an actual life [36, p. 12]. Kant offers to realize the possibilities and limits of human cognitive ability and readiness not to cross these borders. Consequently, lack of discipline, i.e. immorality of mind, is mostly manifested in ambitious attempts to go beyond the limits of possible experience. He wrote that "if someone did something on purpose and there is a question whether he is guilty and how guilty he is, therefore ... we should decide whether he was in his mind then or not, and a court should send him to the philosophic faculty instead of the medical faculty" [8, p. 221].

Famous Russian thinkers M.V. Lomonosov, Ya.P. Kozelsky, A.N. Radischev and others addressed psychological issues in their works and tried to answer serious philosophic questions about the essence of a human soul, human's place in the Earth, death etc. The debates between the representatives of the Russian religious philosophy and Russian democratic revolutionaries with materialistic views were also a platform for addressing many psychological issues. While being "inside" medicine, psychotherapy addressed equally serious

issues, which had methodological grounds and were rooted in philosophy. In the XVII - XVIII centuries, doctors were interested in the criteria of norm and aid to mentally ill persons as well as Mesmer's "animal magnetism" as a psychophysiological issue. The example of J.K. Lavater, a Swiss philosopher, theologian and founder of physiognomic and psychological typology of characters, is significant from the position of the law of the unity and conflict of opposites. This prominent scientist failed to "reconcile science and religion". N.M. Karamzin mentioned the meetings with this protestant preacher in the *Pis'ma Russkogo Puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. He described Lavater as a humanist who wished to help people, though he disagreed with his physiognomic doctrine. Describing Herder as one of the most prominent thinkers of the Enlightenment, he underlines "I do fear that people will consider me some physiognomic sorcerer" [9, p. 121]. Thus, he pointed at the contradiction in both Lavater's concept and the attitude of his contemporaries to it.

Active development of natural scientific disciplines, primarily, biology including the physiology of a nervous system activated discussions on a subject of psychology as an independent science. The analysis of the works of scientists who treated psychology as a field of knowledge based on self-observation (N.Ya. Grot, M.V. Vladislavlev, P.D. Yurkevich) and scientists-materialists (I.M. Sechenov, I.P. Pavlov, V.M. Bekhterev) who considered psychology as applied science, enables to trace the next stage of development of a dialectic law of the unity and conflict of opposites. Relative inequality, which had been insufficient throughout the XVIII century, became quite an obvious difference. Moreover, this difference is a separating strip between materialism and idealism.

Undoubtedly, each theory in science has its national specifics. In pre-revolutionary Russia, materialism was mostly associated with radical political opposition to tsarism, while alternative, idealistic views were related to moderate and conservative groups of intelligentsia. This explains quite a tough position of the representatives of a materialistic trend in the Russian social philosophy towards the place and role of psychology. Thus, N.G. Chernyshevsky calls philosophy, history and all moral (social) sciences "miserable relatives" and offers to consider exact sciences (mathematics, astronomy, physics, chemistry, botany, zoology and geography) a real "science" [30, pp. 42-44]. The 1860s saw the discussion started by I.M. Sechenov's paper *Komu i Kak Razrabatyvat Psikhologiyu* [Who and how should develop psychology?] He argued that it was necessary "to pass the analytical elaboration of mental phenomena in the hands of physiology" [26, p. 241]. It is in this work that Sechenov formulated a basic principle of a psychological study, which became crucial in Russian psychology up to now. This method of analytical decomposition of the whole (psyche) into separate elements (sensations, affects etc.)... i.e. ascending for studying from simple things to complex things, or... for explaining complicated things by simpler things, and by no means vice versa" [Ibid. P. 225]. We see the application of this method in the table of contents of any textbook on psychology in USSR and sometimes in the present time.

In 1867, there was a court trial between the representatives of the Russian Orthodox Church and the publishers of W. Wundt's work, which stated, among other things, that animals had a soul. In accordance with social-political situation of that time, publishers won the trial.

In the 1880-1890s, psychological laboratories were created in various (mostly medical) establishments in Russia; applied trends (pedagogical psychology, child psychology, paedology, pathopsychology) were established. Thus, V.M. Bekhterev, who was invited to the Kazan University, agreed the work there only if there were psychiatric clinics and a laboratory for psychophysiological studies in the department of mental illnesses. At the beginning of the XX century, the journal *Psikhoterapiya. Obozrenie Voprosov Psikhicheskogo Lecheniya i Prikladnoi Psikhologii* [Psychotherapy. A Review of the Issues of Mental Treatment and Applied psychology] is issued regularly. It deals with the basic provisions of S. Freud's psychoanalytical concept. Medical scientists are looking for their way in the professional aid to a person. The ideas of hypnosis and its curative impact on psyche are rapidly developing; the issues of the etiological role of psychogenic factors in the development of neuroses are discussed. There is an unusual interest in natural scientific

issues (experimental approaches to studying the brain, brain reflexes etc.). Here, theoretical psychology serves the practical objectives of medicine, since many psychiatrists treated the possibility of conducting experimental psychological studies as a way to raise the prestige of their profession.

A humanistic approach in psychotherapy is relevant too. A.I. Yarotskiy who entered the history of medicine as the first researcher to make an electrocardiogram of the naked heart offered aretetherapy as a study of mostly patients' spiritual life for relieving their sick condition and creating a "healthy worldview" in them in his work *Idealism Kak Psikhologicheskiy Faktor* [Idealism as a Psychological Factor].

However, we should note that medicine was less associated with ideological debates than psychology. Most people think that a doctor, unlike other specialists including theoretical psychologists, is responsible for his patient's life and health; therefore, he deals with particular symptoms and syndromes, i.e. with what is commonly called now the objective picture of illness. As a doctor in the famous Soviet film *Formula of Love* says, "A head is a dark subject, you investigate it".

In 1904, S. Freud's *Interpretation of Dreams* was published in Saint Petersburg. After that, Bekhterev, Danilevskiy, Tarkhanov and others, including psychiatrists, make efforts to introduce psychoanalysis in the medical practice. *Realnaya Entsiklopedia Prakticheskoi Meditsiny: Mediko-Khirurgicheskiy Slovar Dlya Praktikuyuschih Vrachei* [Real Encyclopedia Of Practical Medicine: Dictionary of Medical Surgery for Practicing Doctors] published in 1914 gives one of the first definitions of the term "psychotherapy" in Russia. "Psychotherapy is a treatment by impacting on the psyche. Sometimes, it cannot be strictly separated from other methods of treatment, since the latter often have a great influence on patient's psyche. Thus, alcohol, bromine, morphine, and many other addictive drugs influence the psyche. Likewise, the psyche is influenced by physical methods of treatment: massage, faradization etc. However, all these impacts do not relate to psychotherapy, since they do not influence the psyche directly, but only depending on physical or chemical impact" [24, p. 524]. Up to 1930s, psychoanalytical ideas were one of important constituents of the Russian intellectual life, since, unlike in the Western countries, they did not face severe resistance. Wealthy Russian patients had years of psychoanalysis with specialists in Vienna, Zurich and Berlin. A. Etkind, a researcher of the history of psychoanalysis in Russia, reports that "In the years before World War I, psychoanalysis was more famous in Russia than in France and, according to some evidence, in Germany". S. Freud wrote in 1912 that "it seems that a true epidemic of psychoanalysis has begun" [32, p. 11].

Philosophic, i.e. theoretical psychology, develops in parallel (A.I. Vvedenskiy's "psychology without any metaphysics", L.M. Lopatin's and S.L. Frank's philosophic psychology etc.). Thus, N.N. Lange, a Vladislavlev's pupil, formulated basic principles of psychology as an independent science in this book *Psikhologiya* [Psychology]. He underlined that this science is two-faced, like Janus. One face is directed to natural sciences, the other face is directed to sciences about a spirit. Thus, the contradiction between theoretical and practical psychology, which can be called academic and applied psychology become manifest.

This tendency continued in XX century. It was well described by M. Polani, a philosopher and a military doctor. He visited the USSR in 1935 with a lecture for People's Commissariat of heavy industry. N. Bukharin stated in a conversation with Polani that difference between fundamental and applied science is a mistake of capitalism and that in socialist society, all scientific research is conducted pursuant to the needs of the last five-year plan [37, p. 8]. Further, M. Polani answered to Bukharin by extending the thesis of the contrariety of theoretical and practical science in the field of cognition laws. He stated that a subject of activity is situated in the focus of attention, while a mean of activity is located in its peripheral shadow. A scientist focuses on a problem (what?) and realizes it, while a method (how?) is often outside the light of mind. Consciousness cannot ride two horses at the same time.

Russia was involved in a global process of establishment and development of psychological knowledge up to 1917. At this period, the position of materialism is enforced by the heyday of positivism as a negative psychological response to the dominance of idealistic schools and trends. Positivism is characterized by a pursuit of transferring knowledge to a more realistic position, criticism of the German idealistic school, primarily, Hegelians, and basic cognitive attitude to making physical knowledge absolute. Therefore, the agreement of person's image with the data of exact sciences, mainly, physics and biology, is a methodological ground for psychology from the viewpoint of positivism.

It is well known that most representatives of Marxism-Leninism were the followers and spokespersons of positivism. Therefore, the materialistic branch in the Russian psychology was actively supported by the representatives of new Soviet government. V.I. Lenin who supported a materialistic line in psychology wrote as early as in 1894, "A metaphysical psychologist spoke about a soul. This is ridiculous. We cannot discuss a soul without explaining, among other things, mental processes: here, progress should involve leaving all general theories and philosophic constructions ... and ability to studying facts relying on science" [12, pp. 141–142].

The third stage of development of the law of unity and conflict of opposites involves differences in its ultimate form, in the form of opposites. In Europe, this stage of contradiction development was softened; there was no "administrative resource". In Soviet Russia, psychology and psychotherapy were involved in building socialism with its inherent attributes: class struggle and intolerance to nonconformity.

In 1921, Psychoanalytical Association of Artistic Creation Research was found in Moscow. It became a basis for Russian Psychoanalytical Society (RPO) supported by L.D. Trotsky and N.K. Krupskaya. The society had two sections: medical (M.V. Wulff) and pedagogical (P.P. Blonsky). The psychoanalytical society headed by A.R. Luria was created in Kazan. Russian psychoanalysts had to justify and defend the connection between Marxism and Freudianism, on the one hand, and a single theoretical platform of S. Freud's theory and I.P. Pavlov's natural scientific views. They had a difficult task of creating a single "truly materialistic concept of personality". However, in 1925, the Council of People's Commissars closed a part of research "because the results of work did not correspond to the resources invested" [23, p. 503].

Besides, psychology had to adjust to the demands of a new government. To address the issues of illiteracy liquidation, professional selection, and justification of the crucial role of social factors in the establishment of a person, pedology and psychotechnics as components of practical psychology actively develop.

Pedology pretended to a complex approach. However, as noted by A.V. Petrovsky, "in order to obtain synthesis of knowledge of a child, pedology needed a stage of preliminary methodological analysis of psychological, physiological and anatomical data; however, it was not ready for this. Pedology never rose to scientific synthesis of various knowledge of a child obtained by other sciences. Theoretical pedologists turned out to be psychologists (Vygotsky, Basov), special-needs experts or psychiatrists (Griboedov), pediatricians (Arkin), physiologists (Schelovanov), hygienists, sociologists etc., and "synthesis of sciences" was represented only in the last lines of the prefaces to their books." [17, p. 101].

Psychotechnics was oriented on ideological propaganda of Soviet ideas, scientific justification of a new man creation and theoretical justification of innovative movements. However, despite serious achievements in the selection, education, labor process organization, study of professionally significant qualities, professional training etc., "in 1920s, the data of a low level of moral, intellectual and physical development, and high frequency of moral, psychological and somatic impairments in the USSR population were obtained in both pedological and psychotechnical research [16, p. 48]. It is this critical information and diagnostics of a large number of Soviet people as incapable of learning and working was one of the reasons for prohibiting pedology and psychotechnics. In 1936, the Central Committee of the Communist Party issued a famous bylaw "On pedological

perversions in the system of People's Commissariats of Education". It stated that the Central Committee of the Communist Party blames a theory and practice of modern so-called pedology. The Central Committee of the Communist Party assumes that both theory and practice of so-called pedology is based on false scientific and anti-Marxist provisions. These provisions are mostly represented in the main "law" of modern pedology, according to which children's destinies are conditioned by biological and social factors, the influence of heredity, and some unchanged environment. Obviously, this deeply reactionary "law" contradicts to Marxism and the whole practice of building socialism, which reeducates people in the spirit of socialism and liquidates the remains of capitalism in the economy and people's mind" [22]. This Bylaw called "a bomb, not a bullet" [1, p. 15] by B.S. Bratus' led to the destruction of perspective approaches both in psychology and psychotherapy. Bratus writes, "they closed Labor Institutes and psychotechnical laboratories; they got rid of various psychological associations; they liquidated psychological journals and periodicals; they scattered typographic sets of books prepared for publishing; they took books on paedology, testology and everything that might somehow be associated with them from libraries and destroyed them; there was a lot of devastating criticism of psychologists in articles and brochures; soon, there appeared selective arrests, exiles and executions" [Ibid. Pp. 15–16] Thus, A.B. Zalkind, a director of the Institute of Psychology, Pedology and Psychotechnique, Chairman of the Presidium of the Association of Materialistic Psychoneurologists was prosecuted and criticized at the communist party meetings for Freudianism and "perversions in the work". Therefore, he had to admit that his "relations" with Freudianism were a mistake. Zalkind was removed from his post of the director of the Institute of Psychology, Pedology and Psychotechnics. He died of a heart attack in the street after the Communist party meeting where his activity was subject to criticism. The Bylaw also concerned psychotherapists. They were repressed too.

Natural scientific trends were actively developing at that time. It is interesting that physiologists were honored by the new government. The ideas of I.P. Pavlov, recognized as a father of behaviorism, were particularly welcomed by the Soviet government. Thus, B.S. Bratus' gives memories of N. Poletika, a resident of post-Revolutionary Petersburg. He told that the passengers of the tram N 9 moving up to Military Medical Academy "used to see a simply dressed old man who was not afraid of blaming the Soviet government aloud... This old man was none other than Ivan Petrovich Pavlov, the Nobel laureate" [Ibid. P. 11] Experiment on animals, and then their transfer on people, when neglected children aged 6–15 were used as a laboratory material, enabled to understand the nature of human thinking. The experiments on children and adolescents were conducted in the child hospital of the First Leningrad Medical Institute, the hospital named after Rauchfus, the department of experimental pediatrics of the Institute of Experimental Medicine and in several childcare houses. As Mayorov, an official chronicler of the Pavlovian school cynically reported, "Some of our specialists enlarged a range of experimental objects and become engaged in learning conditional reflexes in other species of animals; in fish, ascidia, birds, monkeys and children" [14, p. 185]. In 1929, Ivan Petrovich Pavlov was nominated for the second Nobel Prize. He was refused as early as at the stage of consideration and was recommended not to show the elaborations with neglected children to anyone anymore as a fact that discredits science, savagery, and chemically pure cynicism unacceptable for a scientist.

The theoretical conceptions of this undoubtedly outstanding physiologist state that mental activity is mechanic and materialistic and therefore, we can regulate it "from outside" and "transform a person". This activity leaves no place for consciousness and introspective methods. From this position, it is important to demonstrate that a person can be controlled and thoughts are the product of his activity ("being defines consciousness", the main thesis of Marxist-Leninist philosophy and materialist psychology), therefore, thought can be controlled too.

A.G. Chelpanov was brave enough to argue in 1923 that "The death of scientific psychology in Russia, which we have to witness, is the result of our poor culture...Marxist psychology has nothing to do with physiology; therefore, it is the greatest absurd to think

that the study of conditional reflexes by Pavlov's method is a true Marxist psychology" [29, p. 29]. He is accompanied by L.S. Vygotsky, "Pavlov wants to regain independence for his area of study; moreover, he wants to spread its influence and management on all the spheres of psychological knowledge. It is seen from his direct indications that this is not only the question of emancipation from the rule of psychological notions, but also the elaboration of psychology using new spatial notions" [5, p. 44]. L.S. Vygotsky describes the crisis in psychology and argues with his opponent, I.P. Pavlov. He reports a deep contradiction between two psychologies — Marxist, i.e. materialistic, and traditional. "What is most common in all the phenomena studied by psychology, what makes the most various phenomena — from saliva secretion in a dog to enjoyment with a tragedy — psychological facts, what is common in the delusion of a mentally ill and the most accurate calculations of a mathematician? Traditional psychology answers: the common thing is that all of them are psychological phenomena, non-spatial and perceived only by a subject himself. Reflexology answers: the common thing is that all these phenomena are the facts of behavior, correlative activity, reflexes, and responses of the organism. Psychoanalysts say that the common thing in all these fact, this most primary thing that unites them is the unconscious that underlies them. Thus, the three answers mean that general psychology is a science that studies: 1) the psyche and its properties 2) behavior, or 3) the unconscious. Hence, we see the meaning of such a general notion for the entire future destiny of a science" [Ibid. P. 47]. And further "due to many fruitful principles of natural sciences, reflexology was a very progressive trend in psychology; however, it is very reactional as a theory of a method, since it brings us back to a naive sensualist prejudice that we can study only what we perceive and in the extent in which we perceive" [Ibid. P. 84].

Thus, the Russian psychology up to World War II represented an opposition between natural scientific, materialistic psychology and psychology that mostly elaborated theoretical and methodological aspects of psychological knowledge. L.S. Vygotsky assumed that psychology is pregnant with a general discipline, though has not given birth to it yet" trying to reconcile both psychologies and find common bases for them [Ibid. P. 46]. Being death sick in a hospital, L.S. Vygotsky said, "General psychology is somewhere round here. We are holding its thread in our hands" [10]. Thus, psychology in Russia became divided into psychology of impersonal mental process, mechanisms, and functions relying on natural scientific paradigm and supported by government and "underground" psychology that studied subjective experiences of a person and meaningful structure of his worldview based on humanistic paradigm. If the first psychology brought many discoveries in answering the question "what and how?", the second psychology gave many answers to a question "why?". However, due to objective reasons, both psychologies were not interested in a question, which was a concern of all the world psychotherapy — "why?"

"Paradoxically, Soviet psychology and Soviet psychotherapy actually did not come in touch with each other throughout the entire history of their development. In the end, we should admit that Soviet psychology made quite a small contribution to the development of Soviet psychotherapy, and vice versa", writes V.N. Tsapkin [31, p. 48]. However, it is reflexology that had a strong influence on the Soviet psychotherapy. However, the Soviet textbooks on psychotherapy had mostly directive methods: suggestion, rational psychotherapy as a method of "treatment by reeducation" for strengthening will, M.D. Tantsyura's negative autosuggestion, N.V. Ivanov's motivated suggestion, V.M. Shklovsky's imperative suggestion in waking life against the background of strong emotional tension in case of stutter etc. The scientists studied the practice of hypnosis from a distance via telephone and television and elaborated "associated methods of psychotherapy", which combined suggestion with other methods, first of all, pharmacological and physiotherapeutic methods of treatment.

We can argue that the situation of establishment of Soviet psychology and psychotherapy led to the victory of a part of one of opposites — Marxist-Leninist psychology. However, the other opposite — psychotherapy — was not destroyed or absorbed by a "stronger" opposite. It was just the change in the degree of dominance of one opposite over

another within a whole system. Indeed, the internal dynamics of a phenomenon does not exclude rest and consistency, which can be characterized as stagnation in development. It is the stagnation in the creation of new ideas that conditions the state of both Soviet psychology and Soviet psychotherapy. In the USSR, both psychology and psychotherapy had some specific features. First, it is a "provincialism" complex, i.e. only a few "reliable" psychologists and psychotherapists could interact with world community, at least, up to the Khrushchev's "thaw". Second, it was dangerous to be engaged with both psychology and psychotherapy, especially humanistic. Besides, it was prohibited to "go beyond the limits" of allowed methods.

In the world, World War II united psychologists and psychotherapists for addressing the issues of human resilience in wartime. The US War Ministry included psychology in the list of "crucial" professions [13, p. 402], a new profession appeared — a clinical psychologist — for making a psychotherapeutic impact on the veterans of war. In 1946, this specialty was introduced in the universities with the following motivation — "psychology should separate from its direct rivals, psychiatrists, who were afraid that clinical psychologists could usurp their therapeutic duties from the first days of 'clinical' psychology up to World War I" [Ibid. P. 405].

The fourth stage — the struggle of opposites — unfolded' against the background of serious debates inside both psychology and psychotherapy V.P. Zinchenko and E.B. Morgunov noted that, "We all got tired of monism coming either from Kozma Prutkov's projects on the introduction of shared vision in Russia or from Marxism or from Orthodox Church" [7, pp. 50–51]. At this stage, it is clear that each contradiction has its internal contradiction, which proves the internal unity of the contradiction under consideration once again. The application of theoretical knowledge in practice becomes a priority for a humanitarian science. As noted by F. Vasilyuk, "We had only applied practical psychology (i.e. psychology applied to various social spheres and named after these spheres — educational, medical, sportive psychology etc.); however, we had no psychological practice (i.e. special social sphere of psychological services)" [2, p. 16]. Here, we also have contradictions inside an opposite. Specialists treat psychologists as journeymen in their professional activity; however, they demanded scientific findings and competent conclusions. Inside psychotherapy, there is a clash between a medical approach, when a psychotherapist treats his patient as an object for treatment and mental health restoration, and a new humanitarian approach, when client's suffering is an essential aspect (and sometimes, a meaning) of human existence.

Modern state of both Russian psychology and Russian psychotherapy can be characterized as a battlefield of all against all. Psychologists fight for corporate ("school") affiliation, for the right to have special authority, for independence, for priorities etc. Clients and customers of psychological services would like to get a maximal result at the lowest cost. Various super-structural entities including state structures are mostly focused on control and are often not aware of what and how they can control in reality. All kinds of social entities and unions enter the fight from time to time. Some of them were created as professional communities, others — for specific political goals. On the other hand, total informatization enables every individual to become an "expert" in psychology using Internet and a vast number of literature.

Russian psychotherapy is almost in the same situation. Fortunately, it is more structured as a system, since it is a part of medicine. This activity was one of the first to appear as a professional activity inside medicine in the Medieval Europe. It contributed to regulation and standardization. The profession of a doctor was one of the first to be institutionalized. People always considered it classic, since, first, the very services of this profession were significant for society and, second, doctors needed special knowledge and skills, which they could acquire only in the process of long education including practical education, to provide the quality of services [35, p. 24]. Therefore, a profession of a doctor can be called a kind of etalon for other professions. Probably, this is the reason why

psychologists try to follow this role model in their pursuit of acquiring a privileged professional status.

The situation is complicated by the rivalry between psychologists and psychotherapists. E. Abbot revealed the regularity of relations between the professions in 1988. The professions always struggle for the prerogative of expressing a crucial opinion about how a consumer should act in a particular situation. This conflict is based on the competition for power associated with making significant decisions.

The crisis in modern psychology can be characterized by the following provisions. First, coexisting scientific schools fight for the first place and deny the right of other trends to exist.

Second, all psychologists and most psychotherapists are seriously concerned about low ethic culture.

The stage of contradiction solution starts from the polarization of opposites. Speaking of the contradiction solution, Hegel noted that they "go down to the bottom, to the ground" i.e. to their foundation. The search for foundation is equal to the search for a leading element in the contradictory attitude of the opposite parts of reality, which can imply either the transition of a contradiction to another quality or the death of both opposites.

In his introduction to V.N. Tsapkin's book *Edinstvo i Mnogoobrazie Psikhoterapevticheskogo Opyta* [Unity and Variety of Psychotherapeutic Experience], F.E. Vasilyuk compares a modern situation to a large Moscow communal apartment, "Adults are tired of squabbles and do not understand that they are actually kind people, and there is no impassable abyss between them, and there is much un common in their small isolated rooms, and even their quarrels are poetic in their way and the most important thing that even poor compatibility of their life is full of secret meaning" [3, p. 4]. The author of this book also underlines a complimentary nature of psychology and psychotherapy, when different views on a human enable specialists to be efficient and effective in giving aid to their patient or a client. In the Russian practice, psychology was allowed to develop on natural scientific grounds, at least in the period of the Soviet Union. This enables psychotherapy to rely on controllable experimental data. Soviet psychotherapy mostly developed in the humanistic direction as an opposite to psychiatry called punitive in the post-Soviet period. Many Soviet psychotherapists who survived so-called "Pavlovian" period, which was imposed after the death of this prominent scientist and defined a tendency for biologization of medicine and isolation from world development of psychotherapy, tried to avoid accusations in leaving materialistic positions. Therefore, they preferred to administer pharmacological or another treatment to their patients.

Perestroika opened potentials for interaction with world psychotherapeutic community and lead to a large variety of approaches and technologies in psychotherapy. In Russia, a flow of variety led to the heyday of integrative technologies. A. Sosland made a witty remark about them, "Intertext does not create new configurations. If we limit ourselves to these frames, we will see constant putting of the ingredients from one salad into another" [28, p. 29].

Psychology can help a psychotherapist in understanding the individual-personal portrait, while psychotherapy as mostly a medical activity, informs a psychologist about clinical peculiarities of a human who needs professional aid. However, doctors-psychotherapists and counseling psychologists (who cannot be called psychotherapists according to the RF normative acts) have not yet come to mutual understanding. Here are the reasons of this continuing conflict of opposites:

1. Principally different professional training, which led to insufficient philosophic and humanitarian competence in doctors and serious gaps in medical knowledge in psychologists.
2. A clinical psychologist still occupies a secondary position in a clinic (in the professional standard of healthcare workers, a medical psychologist follows a zoologist, entomologist and a physical therapist).

3. Thus, a psychologist in a healthcare system has a lower salary. Besides, he is deprived of psychotherapist's allowances (for example, 56 days of a leave etc.).
4. A clinical psychologist, like any other psychologist, has no right to be called a psychotherapist even if he had professional training for giving psychotherapeutic aid. On the other hand, any graduate from a medical institute who had internship training in psychiatry can occupy a position of a psychotherapist, and this is a common practice.

It is well known in philosophy that struggle as a form of existence of a dialectical law always implies a pursuit of any of the opposites of defeating another opposite, i.e. absorbing it at any price. However, as soon as victory is achieved, a phenomenon stops existing, it is destroyed, since one of its opposites, which still was one of the fundamental elements of the phenomenon, disappears. In the end, struggle is incompatible with stability. In his formulation of a dialectical law of the unity and conflict of opposites, Engels made a pursuit of change an absolute. However, he did not describe the issue of stability, which is relevant nowadays. Here, we should return to the ancient philosophy, particularly, to the only dialectician in the ancient Greece, Heraclites, who does have a notion of sustainable equilibrium between opposites — a notion of harmony. Harmony implies that opposites strengthen each other, which accelerates the tempo of positive changes. In other words, harmonious existence of opposites leads to the order in the interaction of these opposites, which contributes to the development of contradiction as transition to another quality. Thus, struggle for victory is only an initial stage of this phenomenon existence. As long as this struggle exists, it is difficult to argue that a phenomenon acquired some qualitative certainty; this is a kind of test of strength. Equilibrium can be set for a phenomenon from outside; however, it would be artificial harmony.

If a phenomenon itself is established harmoniously, a system stops spending energy for useless struggle and opposites inside the phenomenon are equilibrated.

A famous Polish writer Yanusz Wisniewski has the story *Chemistry of a Wafer*, where he described a situation of pre-Christmas evening, when decorated fur-trees were shining everywhere and joyous people were preparing for a holiday. All of a sudden, a little girl in hospital clothes runs out of the hospital gates, in front of which there is also a decorated fur-tree, and rushes to this little fur-tree. Movement stops and a gatekeeper rushes for a baby girl... Academic psychology will describe this situation through neuropsychological and psychophysiological mechanisms etc. Practical psychology and psychotherapy will primarily resort to emotions. Y. Wisniewski finishes his story with the words, "When I read the reports of various neurotheologists, I remember this crazy little girl, running to the fur-tree across the street, and I am glad that a poet can give a true description of a person, while a laboratory worker cannot do it" [4, p. 149–150]. I hope that Russian practice and theoretical justification of giving professional aid to a person will have their Christmas too.

References

1. Bratus' B.S. *Russkaya, sovetskaya, rossiiskaya psikhologiya: konspektivnoe rassmotrenie* [Pre-Revolutionary Russian Psychology, Soviet Psychology, and Modern Russian Psychology]. Moscow, Flinta Publ., 2000. 88 p.
2. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezivaniya* [Psychology of Experience]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1984. 240 p.
3. Vasilyuk F.E. *Predislovie* [Preface]. In Tsapkin V.N. *Edinstvo i mnogoobrazie psikhoterapevticheskogo opyta* [Unity and Variety of Psychotherapeutic Experience]. Moscow, Izd-vo MGPPU Publ., 2004, pp. 4–5.
4. Vishnevskii Ya.L. *Molekuly emotsii* [Molecules of Emotions]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2012. 224 p. [translated from Polish].

5. Vygotskii L.S. *Istoricheskii smysl psikhologicheskogo krizisa* [Historical meaning of a psychological crisis]. In *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow, Smysl Publ.; EKSMO Publ., 2005, pp. 41–191.
6. Zhdan A.N. *Rossiiskaya psikhologiya. Antologiya*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ.; Al'ma Mater Publ., 2009. 1280 p.
7. Zinchenko V.P., Morgunov E.B. *Chelovek razvivayushchiysya. Ocherki rossiiskoi psikhologii* [A Developing Human. Sketches on Russian Psychology]. Moscow, Trivola Publ., 1994. 304 p.
8. Kant I. *Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya* [Anthropology from the Pragmatic Viewpoint]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 471 p.
9. Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Moscow, Pravda Publ., 1988. 544 p.
10. *Lev Vygotskii: ochen' kratkoe vvedenie* [Lev Vygotsky: Very Brief Introduction]. Available at: <http://econet.ru/articles/126512-lev-vygotskiy-ochen-kratkoe-vvedenie> (accessed 10 March 2017).
11. Levin G.D. *Filosofskie kategorii v sovremennom diskurse* [Philosophic Categories in Modern Discourse]. Moscow, Logos Publ., 2007. 224 p.
12. Lenin V.I. *Chto takoe «druz'ya naroda» i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov* [What are "Friends of People" and How they Fight against Social Democrats]. In *Sobranie sochinenii: v 55 t.* [Collection of works in 55 vol.]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1967, vol. 1, pp. 125–346.
13. Likhi T. *Istoriya sovremennoi psikhologii* [The History of Modern Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 448 p.
14. Maiorov F.P. *Istoriya ucheniya ob uslovnykh refleksakh* [History of the Study of Conditional Reflexes]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1954. 368 p.
15. Marchenkova M.V. A Sketch on the Development of Psychotherapy in Russia. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2012, no. 1, pp. 169–182 [in Russian].
16. Oleshkevich V.I. *Istoriya psikhotekhniki* [History of Psychotechnics]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 304 p.
17. Petrovskii A.V. *Zapret na kompleksnoe issledovanie detstva* [Prohibition of a Complex Study of Childhood]. In M.G. Yaroshevskii, ed. *Repressirovannaya nauka* [Repressed Science]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 126–135.
18. Pivovarov D.V. *Kategorii ontologii* [Categories of Ontology]. Ekaterinburg, Izd-vo URFU Publ., 2016. 552 p.
19. Pikren U. *Velikaya psikhologiya: ot shamanizma do sovremennoi nevrologii. 250 osnovnykh vekh v istorii psikhologii* [The Psychology Book: From Shamanism to Cutting-Edge Neuroscience, 250 Milestones in the History of]. Moscow, Izd-vo "Binom. Laboratoriya znaniy" Publ., 2016. 536 p.
20. Platon. *Dialogi* [Dialogues]. In Platon. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Collection of works in 4 volumes]. Moscow, Filosofskoe nasledie Publ., 1968. Vol. 2.
21. Popper K. *Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya* [Assumptions and Refutations: Growth of Scientific Knowledge]. Moscow, Ast Publ., 2008. 640 p.
22. *Postanovlenie TsK VKP (b) "O pedologicheskikh izvrashcheniyakh v sisteme Narkomprosovot" 04.07.1936 g.* [The Bylaw of the Central Committee of the Communist Party "On pedological perversions in the system of People's Commissariats of Education" of July 04, 1936]. Available at: <http://istmat.info> (accessed 10 March 2017).
23. Karvasarskii B.D., ed. *Psikhoterapevticheskaya entsiklopediya* [Psychotherapeutic Encyclopedia]. St. Petersburg, Piter, 2006. 944 p.
24. Blyumenau M.B., ed. *Real'naya entsiklopediya prakticheskoi meditsiny: mediko-khirurgicheskii slovar' dlya praktikuyushchikh vrachei* [Real Encyclopedia of Practical Medicine: Dictionary of Medical Surgery for Practicing Doctors]. 1914. Vol. XVI. 736 p.
25. Reshetnikov M.M. Psychotherapy as a Concept and a Profession. *Nezavisimyy psikhiatricheskii zhurnal*, 2003, no. 2, pp. 15–21 [in Russian].

26. Sechenov I.M. *Komu i kak razrabatyvat' psikhologiyu* [Who and How Should Develop Psychology]. In Kaganov V.M, ed. *Izbrannye filosofskie i psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected Philosophic and Psychological Works]. Moscow, OGIZ Publ., 1947, pp. 222–308.
27. Slabinskii V.Yu. *Osnovy psikhoterapii. Prakticheskoe rukovodstvo* [Basics of Psychotherapy. Practical Guidance]. St. Petersburg, Nauka i tekhnika Publ., 2008. 464 p.
28. Sosland A. *Fundamental'naya struktura psikhoterapevticheskogo metoda* [Fundamental Structure of a Psychotherapeutic Method]. Moscow, Logos Publ., 1999. 368 p.
29. Chelpanov G.I. *Psikhologiya i marksizm* [Psychology and Marxism]. Moscow, Russkii knizhnik Publ., 1924. 29 p.
30. Chernyshevskii N.G. *Antropologicheskii printsip v filosofii* [Anthropological Principle in Philosophy]. Moscow, OGIZ Publ., 1944. 88 p.
31. Tsapkin V.N. *Edinstvo i mnogoobrazie psikhoterapevticheskogo opyta* [Unity and Variety of Psychotherapeutic Experience]. Moscow, Izd-vo MGPPU Publ., 2004. 199 p.
32. Etkind A.M. *Eros nevozmozhnogo. Istoriya psikhoanaliza v Rossii* [Eros of the Impossible. History of Psychoanalysis in Russia]. St. Petersburg, Meduza Publ., 1993. 464 p.
33. Yarotskii A.I. *Idealizm kak fiziologicheskii factor* [Idealism as a Physiological Factor]. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena Publ., 1908. 302 p.
34. Abbott A. *The System of Profession: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago, Chicago University Press, 1988. 452 p.
35. Dewe B. *Professionsverständnis – eine berufssoziologische Betrachtung*. In Pundt J., ed. *Professionalisierung im Gesundheitswesen. Positionen, Potentiale, Perspektiven*. 2 Auflage. Bern, Verlag Hans Huber, 2012, pp. 23–35.
36. Kopper J. *Einleitung*. In Kant I. *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht*. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 1980, pp. 12–14.
37. Polanyi M. *Science, Faith, and Society*. Chicago, University of Chicago Press, 2007. 96 p.
38. Allsop J., Saks M., eds. *Regulating the Health Professions*. London, Sage, 2002. 166 p.